

УДК 81.23

DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-16-23

ЗОНЫ ПОТЕНЦИАЛЬНОГО КОНФЛИКТА В ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ЛАНДШАФТЕ ПОЛИЭТНИЧЕСКОГО ГОРОДА

Пешкова Н.П.

Башкирский государственный университет

450076, г. Уфа, ул. Заки Валиди, д. 32, Российская Федерация

Аннотация. Статья посвящена проблеме выявления зон потенциального конфликта в лингвистическом ландшафте Уфы, представляющей собой современный полиэтнический город, в котором сосуществуют различные языки и культуры. Автор рассматривает конфликт в связи с понятием противоречия как особого речевого действия. В статье обсуждаются результаты экспериментального исследования особенностей восприятия лингвистического ландшафта с использованием метода «встречного текста». Анализ экспериментальных данных позволяет выявить в лингвистическом ландшафте Уфы несколько конфликтогенных зон, связанных с использованием того или иного языка, порядком следования языков и качеством перевода с одного языка на другой.

Ключевые слова: конфликт, зона конфликтогенности, лингвистический ландшафт, метод «встречного текста», восприятие лингвистического ландшафта.

POTENTIAL CONFLICT ZONES IN THE LINGUISTIC LANDSCAPE OF A POLYETHNIC CITY

N. Peshkova

Bashkir State University

32, Zaki Validi str., 450076, Ufa, Russian Federation

Abstract. The paper is devoted to the problem of revealing potential conflict zones in the linguistic landscape of Ufa as a modern poly-ethnic city where different languages and cultures coexist. The author considers 'conflict' in connection with the notion of contradiction as a special speech act. The article discusses the results of experimental studying specific features of linguistic landscape perception applying the "internal counter-text" method. The analysis of the experimental data reveals several potential conflict zones in Ufa linguistic landscape, each associated with the language used in it, the ranging of the languages used and the quality of translation from one language to the other one.

Key words: conflict, potential conflict zone, linguistic landscape, "internal counter-text" method, linguistic landscape perception.

Как известно, одна из проблем исследования конфликта состоит в обеспечении возможности наблюдения скрытых процессов его созревания, обусловленных внешними объективными факторами и внутренними субъективными склонностями участников коммуникации.

Нужно отметить, что вслед за Ю.В. Рождественским мы рассматриваем «конфликт» в связи с понятием противоречия как особого речевого действия. Исследователь называет три стадии формирования конфликта: первая из них связана с различными мнениями, вторая – с противоречиями в дискуссиях, и только на третьей стадии осуществляется непосредственно борьба в форме действительного конфликта [4]. В настоящем исследовании нас интересует первая стадия генерирования конфликта, обусловленная различиями и противоречиями во мнениях коммуникантов, поскольку изучение этой стадии способствует, с нашей точки зрения, осуществлению важнейшей задачи – «зафиксировать тенденцию перехода от вербальной фазы конфликтогенеза к фазе действительного проявления конфликта» [5, с. 5]. Сегодня достаточно распространённой является точка зрения, в соответствии с которой конфликт возникает только в условиях непосредственного контакта партнёров по коммуникации. Мы полагаем, что на первой стадии формирования конфликта партнёр по коммуникации может быть виртуальным. Иными словами, конфликт может зарождаться в процессах восприятия информации в форме различных текстов при условии физического отсутствия партнёра по коммуникации, выступающего в роли

автора информации, воспринимаемой адресатом.

Такое предположение находит подтверждение в материалах «встречных текстов», порождаемых участниками наших экспериментов, направленных на восприятие различных видов информации, которые мы осуществляли на протяжении ряда лет с использованием метода «встречного текста» А.И. Новикова [1, с. 64]. Полученные экспериментальные данные свидетельствуют о том, что «встречные тексты» подавляющего большинства реципиентов маркированы присутствием в них «контр-текста», отражающего разногласия между адресатом информации и её автором. Как мы отмечали ранее, вербальные реакции, составляющие такой «контр-текст», могут выражать открытое или скрытое несогласие и различные негативные оценки воспринимаемой информации. При этом для определённой части подобных реакций характерна открытая вербальная агрессия, демонстрирующая потенциальную склонность и готовность реципиента сообщения к реальному конфликту [2, с. 205, 206].

В предшествующих исследованиях мы осуществили сравнительный анализ экспериментальной базы, сформированной ранее, на предмет её потенциальной конфликтогенности. Проведённый анализ позволил выявить индивидуальные реакции, содержащие вербальную агрессию участников экспериментов в открытой или в имплицитной форме, зачастую основанную на известной оппозиции «свой – чужой». Мы смогли также выделить несколько групп реакций наших испытуемых на основании источника воспринимаемой информации

и его особенностей, провоцирующих проявление вербальной агрессии, приводящей к возникновению конфликта [2].

Совершенно очевидно, что, помимо классической конфликтной лексики, характерной для определённых видов текстов, стимулами таких реакций могут стать и содержательно-смысловые особенности воспринимаемой информации. Мы выяснили, что наряду с различиями в нравственных, культурных и религиозных ценностях, присущих автору и адресату информации, источником раздражения, проявляющегося в форме вербальной агрессии, часто выступает так называемая бытовая необычность информации. Провоцирует проявление языковой агрессии и негативная информация, обусловленная факторами социального характера [2, с. 211].

В процессе выявления конфликтности «встречных текстов» испытуемых нам удалось увидеть некоторые «зоны» конфликта, имеющие место в настоящее время, а также спрогнозировать потенциальные, возникновение которых возможно в условиях сосуществования различных языков, культур и религий в нашей республике. К существующим информационным зонам конфликтного характера, например, относится информация о национальной самостоятельности республики и о проблемах, связанных с экологической ситуацией. Что касается потенциальных зон конфликтности, мы высказали предположение относительно возможности возникновения некоторых гендерных проблем. Сегодня как подтверждение нашего предположения можно наблюдать усиление активности феминистской группы в столице республики.

Параллельно с обсуждаемым выше исследованием мы занимались проблемой восприятия лингвистического ландшафта Уфы её обитателями. Не удивительно, что на определённом этапе эти две темы наших исследований стали пересекаться. Можно было предположить, что лингвистический ландшафт полиэтнического города содержит в себе очаги конфликтного характера. Выявление и анализ подобных очагов и стало задачей настоящего исследования.

Напомним, что под лингвистическим ландшафтом обычно понимают все формы существования языка в жизненном пространстве города или региона, а также методы изучения этой жизни языка, сосуществования и соотношения нескольких языков в общественном пространстве многоязычного города или целого региона. Ранее, характеризуя лингвистический ландшафт Уфы, мы отмечали, что поликодовый текст нашего многоязычного города, безусловно, отображает окружающую действительность и обусловлен двумя одновременно действующими тенденциями – глобализации и национальной самоидентификации [3, с. 231].

Текст города, как часть экстралингвистической реальности, с одной стороны, а с другой – как её опосредованное отображение, является одновременно формой сосуществования и столкновения языков, культур и целых исторических периодов. В нашем городе это и дореволюционная эпоха жизни уфимской губернии, воссоздаваемая в настоящее время в лингвистическом ландшафте столицы республики, и советская эпоха, частично всё ещё в нём сохранившаяся.

Мы также уже отмечали, что современная тенденция реставрации дореволюционного прошлого Уфы как губернского города и сохранения истории, связанной с многонациональной советской культурой, сочетается с активным использованием англицизмов и контаминаций, ставших привычными для уличных вывесок Уфы, особенно после проведения в ней мероприятий саммита стран ШОС и БРИКС [3]. На вывесках с названиями улиц можно встретить ссылки на их имена дореволюционного и советского периодов, цитаты из стихов башкирского национального поэта Мустая Карима, популистские лозунги, типичные для всех периодов жизни города, например, «Башкортостан – край дружбы и согласия», и т. п. Кроме того, если прежде все названия улиц Уфы были представлены на двух языках – русском и башкирском, то теперь в названиях всех центральных улиц и части микрорайонов добавляется английский язык.

Общая характеристика центральной части города, которую дали участники нашего экспериментального исследования, посвящённого изучению особенностей восприятия лингвистического ландшафта, во время блиц-опроса, предшествующего основному эксперименту и проводимого с целью выяснения, обращают ли жители Уфы внимание на «городской текст», была следующей: *«наиболее востребован и при этом наименее заметен для глаз постоянных жителей»; «не обращаю внимания»; «идёт фоном»; «смотрю по необходимости».*

Такую характеристику дали более 70% респондентов – именно поэтому, руководствуясь результатами блиц-опроса, мы поставили перед испыты-

мыми задачу посмотреть более внимательно на окружающий их «текст города», оценить его, а затем по желанию дать свои рекомендации, если таковые возникнут.

Общей рабочей гипотезой исследования лингвистического ландшафта было предположение, что при его восприятии действует тот же самый механизм «встречного текста», изучением которого мы занимались на материале различных типов письменных текстов, выступающих в качестве объекта понимания. *Дополнительной гипотезой* исследования, обсуждаемого в настоящей статье, стал прогноз относительно возможных зон конфликтогенности, присутствующих в лингвистическом ландшафте Уфы, таких как, например, сам фактор использования того или иного языка или порядок следования языков в названиях улиц и т. п.

Отличие от всех наших предыдущих экспериментов заключалось в том, что в этой экспериментальной ситуации не было необходимости использовать полную инструкцию в соответствии с оригинальной методикой «встречного текста» [1, с. 65]. Инструкция была краткой – посмотреть и написать всё, что возникает в сознании при чтении той или иной городской вывески. Основной задачей испытуемых был просмотр короткого видеофильма, состоящего из 10 кадров-изображений различных вывесок и 15 дополнительных фотографий языкового ландшафта Уфы. Просмотр сопровождался письменными комментариями в анонимной форме. В отличие от оригинальной методики участники этого эксперимента могли сами выбирать изображения и фотографии, вызывавшие у них желание проком-

ментировать и оценить увиденное в свободной форме. Второй этап эксперимента предполагал ответы на вопросы, связанные с оценкой содержания и формы лингвистического ландшафта Уфы. Испытуемые могли ответить на предлагаемые вопросы в краткой форме и высказать свои рекомендации по совершенствованию лингвистического ландшафта города (по желанию).

Участниками эксперимента и проводящего его ему блиц-опроса стали студенты, магистранты и аспиранты Башкирского государственного университета в возрасте от 18 до 23 лет, а также преподаватели и технические сотрудники от 25 до 65 лет. В целом в экспериментальном исследовании участвовали более 100 испытуемых, принадлежащих разным возрастным и социальным группам, неоднородным по национальному составу и культурной принадлежности. Полученные «встречные тексты» включали от 15 до 27 вербальных реакций, письменно регистрируемых самими испытуемыми в соответствии с оригинальной методикой. Различный объём «встречных текстов» объяснялся тем, что, как мы упомянули выше, участники эксперимента могли сами выбирать объекты своих комментариев и определять количество таких объектов.

Анализ полученных в основном эксперименте вербальных реакций испытуемых на предмет их возможной конфликтности показывает, что все «встречные тексты» маркированы присутствием в них «контр-текстов» разногласий, включающих в себя оценки, оценочные мнения и суждения, но только 8–10% последних передаются с использованием конфликтной лексики. Однако нельзя не отметить, что

критические замечания встречаются во всех текстах-комментариях. При этом одни из них носят конструктивный характер, другие – деструктивный.

Можно привести следующие примеры негативных эмоциональных оценок конфликтного характера:

- Пошло и глупо.
- Отвратительно!
- Тьфу!

Сравнительный анализ всех «встречных текстов» реципиентов лингвистического ландшафта Уфы, участвовавших в нашем эксперименте, дает возможность выявления нескольких зон конфликтности в общем тексте городского центра. Прежде всего, это *реклама*. Из всех городских вывесок именно она наиболее всего подвергалась критике по самым разным параметрам: по форме, которая оценивалась как «безвкусная», «вызывающая», и по содержанию, характеризующему как нечто «наглое», «глупое», «пошрое», «несоответствующее действительности».

Ниже мы приводим негативные реакции «инфиксации» на рекламу о возможностях «легко» взять кредит.

«Захотела... И взяла кредит!» – А потом отдай с процентами, только без штанов не останься.

«Без перерыва! Без выходных!» – Качаем ваши деньги.

Следующий фактор возникновения возможного конфликта – используемый язык городского текста. Мы уже отмечали, что более 90% оценок и оценочных мнений испытуемых молодой группы от 18 до 27 лет характеризуются позитивным отношением к присутствию в языковой среде города английского языка наряду с русским и

башкирским. Отрицательное отношение к использованию в городском лингвистическом ландшафте иностранных языков присуще некоторой части возрастной группы испытуемых от 55 до 65 лет и достигает в пределах этой группы 45–50%. Одна часть таких реакций носит открыто агрессивный характер (15%), другая, большая, часть выражает недовольство, объясняя его своим незнанием чужого языка.

Приведём следующие примеры негативных оценочных мнений:

– *Для чего это у нас тут чужой язык? Своего не хватает?* (об английском в названиях улиц).

– *Все прекрасно владеют русским. Зачем дублировать? Дурака валяют* (о башкирском языке во всех уличных вывесках).

– *Живешь в Башкортостане – прояви уважение, выучи башкирский!* (о постоянном присутствии русского в языковом ландшафте).

Ещё один потенциальный фактор конфликтности языкового ландшафта Уфы – *порядок следования языков*. Мы называем этот фактор потенциальным, потому что у наших испытуемых, как можно было видеть, он возрастает с увеличением возраста. Среди реакций «встречных текстов» молодёжной группы не наблюдается явных националистических проявлений в отношении того или языка. Один из вопросов, предложенных испытуемым после основного этапа эксперимента, касался именно следования языков в названиях улиц. Здесь нужно отметить, что в Уфе нет единого порядка следования русского и башкирского языков. Распространёнными современными вариантами их следования в названиях улиц являются:

башкирский – русский и, наоборот, русский – башкирский, третье место стабильно занимает английский.

Как показывает анализируемый материал, в младшей группе респондентов не наблюдается явных предпочтений в пользу того или иного варианта порядка следования. В старшей группе высказываются предложения прежде всего убрать английское название, а около 2 – 4% возрастных участников эксперимента выражают желание оставить только один язык – русский или башкирский.

Наконец, еще одной зоной конфликтности, как мы выяснили, является *качество перевода* названий улиц с русского языка на башкирский. Очевидно, что свои комментарии по этому поводу давали носители башкирского языка, причём явную активность в отношении оценки перевода проявила группа молодых испытуемых. Анализ реакций показывает, что довольно большая группа молодых испытуемых (до 20%) уделила много внимания проблеме качества перевода, в отличие от старших участников эксперимента. И, как можно видеть из приводимых ниже примеров, реакции достаточно критические, порой болезненные и с проявлением вербальной агрессии.

– *Все переводы, кроме фамилий людей, плохие, грубые, приблизительные. Где хорошие переводчики на башкирский?*

– *Обидно за неправильный перевод! И стыдно!*

– *Переводчик не башкир?! Языка не знает?*

– *Дурак переводил или литературный язык не учил?*

– *Тупой переводчик! Где таких учат?*

Большая часть группы старших участников эксперимента проявила равнодушие к качеству перевода, демонстрируя незнание или плохое знание языка, не позволяющие оценить адекватность передачи названий при переводе с русского на башкирский язык.

Небольшое количество испытуемых этой же группы (порядка 5%) проявили явную враждебность в отношении присутствия в тексте города информации, связанной с *советским периодом* в истории города.

– *Советской риторики хватит! Не надоело?*

– *Затхлый запах советского прошлого.*

В заключение хотелось бы отметить, что проблема, обсуждаемая в настоящей статье, имеет перспективы для дальнейшего исследования. Как можно предположить на основании сравнительного анализа материала, представленного выше, список зон потенциального конфликта, присутствующих в лингвистическом ландшафте современной полиэтнической Уфы, остаётся открытым. Он может быть продолжен и дополнен материалами, связанными с расширением круга объектов изучения, в частности, путём включения в них вывесок наименований государственных учреждений и частных офисов, лозунгов, плакатов и т. д.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новиков А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания. // Вопросы психолингвистики. 2003. № 1. С. 64–76.
2. Пешкова Н.П. Особенности восприятия информации в форме «контртекста» как отражения конфликтогенности адресата // Вопросы психолингвистики. 2016. № 2 (28). С. 202–214.
3. Пешкова Н.П. Исследование городского лингвистического ландшафта как способ межкультурного взаимодействия в полиэтническом социуме // Вопросы психолингвистики. 2016. № 3 (29). С. 229–240.
4. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики. М.: Флинта: Наука, 2003. 176 с.
5. Хроменков П.Н. Лингвопрагматика конфликта (исследование методом количественного контент-анализа): дис. ... док. филол. наук. М., 2017. 405 с.

REFERENCES

1. Novikov A.I. Text and “counter-text”: two aspects of comprehension process. In: Voprosy Psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2003, no. 1, pp. 64–76.
2. Peshkova N.P. Special characteristics of perceiving information in the form of a “counter-text” as reflection of recipient’s conflict potential. In: Voprosy Psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2016, no. 2 (28), pp. 202–214.
3. Peshkova N.P. Investigation of urban linguistic landscape as an instrument of cross-cultural interaction in poly-ethnic society. In: Voprosy Psikholingvistiki [Journal of Psycholinguistics]. 2016, no. 3 (29), pp. 229–240.
4. Rozhdestvenskij Yu.V. Printsipy sovremennoj ritoriki [The principles of modern rhetoric]. Moscow, Flinta: Nauka Publ., 2003. 176 p.
5. Khromenkov P.N. Lingvopragmatica konflikta (issledovaniye metodom kolichestvennogo kontent-analiza): diss. ... d-ra filol. nauk [Linguistic and pragmatic aspects of conflict (investigation based on content-analysis method): D. thesis in Philological sciences]. Moscow, 2017. 405 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Пешкова Наталья Петровна – доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков естественных факультетов, факультета романо-германской филологии Башкирского государственного университета;
e-mail: peshkovanp@rambler.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Natalia P. Peshkova – Doctor in Philological sciences, professor, Head of Foreign Languages Department for Natural Sciences, Romance-German Philology Faculty, Bashkir State University;
e-mail: peshkovanp@rambler.ru

ПРАВИЛЬНАЯ ССЫЛКА НА СТАТЬЮ

Пешкова Н.П. Зоны потенциального конфликта в лингвистическом ландшафте полиэтничного города // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. 2017. № 4. С. 16–23.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-16-23

CORRECT REFERENCE TO THE ARTICLE

N. Peshkova. Potential conflict zones in the linguistic landscape of a polyethnic city. In: *Bulletin of Moscow Region State University*. Series: Linguistics. 2017, no. 4, pp. 16–23.
DOI: 10.18384/2310-712X-2017-4-16-23